

Оглавление¹

Подсекция «Германская и кельтская филология»

<i>Каркищенко О.А.</i> Деспирантизация заднеязычных спирантов в современном ирландском языке.....	368
<i>Комкова А.Н.</i> Сопоставление русско-норвежского и русско-таймырского пиджинов.....	370
<i>Лантева О.Ю.</i> Семантика сожаления в норвежском языке.....	372
<i>Мокин И.В.</i> Особенности англоязычного влияния на словообразовательные процессы современного шведского языка (на материале новейшей лексики).....	374
<i>Питерски А.Ч.</i> Становление генитива на <i>-(e)ns</i> в немецком языке	377
<i>Родионова А.П.</i> К трактовке образа берсерка в исландских сагах	379
<i>Самойлова Ю.А.</i> Теории происхождения и употребление двойных модальных сочетаний в диалектах равнинной Шотландии (скотс).....	382
<i>Солдатова Д.Н.</i> Глаголы ментального действия в норвежском языке.....	384
<i>Сороколетова О.С.</i> Нарушения семантической корреляции в русско-немецких разговорниках XVI–XVII вв.....	386
<i>Удилова Д.А.</i> Экспозиция в коммуникативной структуре высказывания (на материале современного шведского языка).....	388
<i>Юченкова А.К.</i> Проблема нормирования норвежского литературного языка.....	390

¹ Внимание! Страницы электронной версии не совпадают со страницами опубликованного сборника секции «Филология»!

ГЕРМАНСКАЯ И КЕЛЬТСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Деспирантизация заднеязычных спирантов в современном ирландском языке

Каркищенко Ольга Александровна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Звуковой строй современного ирландского языка характеризуется наличием глухого и звонкого заднеязычного спирантов, судьба которых является объектом данного исследования. Их возникновение в языке стало результатом нескольких этапов лениции, фонетического процесса, заключающегося в ослаблении артикуляции согласного в слабой позиции (после носового и перед гласным). Имевшая место в ирландском языке лениция, таким образом, позиционно переводила звонкий смычный в соответствующий ему по месту образования спирант. Следует отметить, что, так как в парных оппозициях по глухости-звонкости слабым и наиболее подверженным изменениям звеном является звонкий согласный, то переход звонкой смычки $g > \gamma$, $d > \delta$, $b > v$ (I лениция) намного предшествовал ослаблению глухих $c > \chi$, $t > \theta$, $p > f$ (III лениция).

Вначале являясь позиционными фонетическими вариантами смычных, спиранты постепенно приобретали фонологическое значение, становясь фонемами. Лениция превратилась в показатель грамматических категорий, таких как, например, род, падеж, глагольное время и так далее, став яркой характерной и важной особенностью современных кельтских языков.

Обратимся теперь к паре заднеязычных спирантов – глухому и звонкому, соответственно обозначаемых χ и γ , чье нынешнее положение в языке жителей ирландских городов, а особенно молодежи вызывает интерес и даже тревогу.

Атлас диалектов ирландского языка Г. Вагнера, созданный в середине XX в., представил довольно подробную картину территориальных фонетических различий; в нем содержались детальные транскрипции более чем тысячи слов и словосочетаний. Там было показано, что существует не менее пяти вариантов произношения для каждого из спирантов, тонкости которого отражены в фонетической транскрипции Г. Вагнера. Но, несмотря на разницу в артикуляции, эти звуки занимают одно место в системе, являясь не более чем вариантами.

Но наши недавние наблюдения за поведением спирантов в потоке речи, а также проведенный практический опрос и записи артикуляции ирландскоговорящих информантов из неирландскоговорящих областей показали, что в настоящее время в языке существует сильная тенденция к деспирантизации рассматриваемых звуков, то есть к замене спиранта соответствующим смычным. В объяснении этого явления значительную роль играют социолингвистические факторы, в первую очередь подав-

ляющее преобладание в Ирландии английского языка, как языка общения во всех сферах жизни. Этот вопрос необходимо рассматривать отдельно в отношении Гэлтахтов, где ирландский и английский практически уравниены в правах и влияние последнего на фонетическом уровне незначительно, но нас, прежде всего, интересуют центральные и восточные области страны, в первую очередь города. Стремление обратиться к городам как к «очагам» отклонений, вызвано исторически сложившейся более сильной ирландскоязычной традицией в деревнях. Среди городов в первую очередь примечателен Дублин, как столица обладающий вполне определенным весом в отношении к языку.

Итак, в повсеместно преобладающем в Ирландии английском языке рассматриваемые спиранты отсутствуют, и артикуляционный аппарат англоговорящего ищет естественного приближения звуков ирландского языка к звукам английского. Так, эту идею иллюстрирует хорошо известный пример слова *loch*, содержащего глухой заднеязычный [χ], которому в английской транскрипции соответствует смычный [k], а также немалое количество ирландских имен собственных, «адаптируемых» англоговорящими (*Sorcha, Fiachra*). Но поскольку зачастую в городах использование населением ирландского по большей части ограничено и завершается школьными занятиями, этого оказывается недостаточно для развития надлежащей артикуляционной базы. В этом случае данные спиранты также не воспроизводятся в силу небрежности, непривычки, неспособности.

Но прежде чем перейти к рассмотрению самих ситуаций, в которых деспирантизация наиболее характерна, стоит взглянуть на случаи, когда ее нет, а также на то, какие другие отклонения наблюдаются в артикуляции спирантов, но не подпадают под понятие деспирантизации. Прежде всего, отметим, что звонкий спирант (снова выступающий как слабый член пары) часто полностью сдает свои позиции и вокализуется в полугласный в середине слова, в интервокальном положении, перед гласным переднего ряда и дает ноль звука на конце, порой за исключением Мунстерского диалекта. Что касается звонкого спиранта, то более защищены от его потери на конце слова, имеющие ударение на последнем слоге, то есть снова – произносимые на южном диалекте. Сильная позиция согласного после ударения должна сохранять спирант, в этом положении он может только ослабляться.

Конкретные случаи деспирантизации можно условно разделить на два типа (подразумевается определенный вышеописанный контингент говорящих):

1. Когда произнесение спиранта затруднено – чаще всего в середине слова или на стыке слов; в случае консонантного кластера, например, так будет осуществляться ассимиляция по способу образования;

2. Когда произнесение спиранта невозможно – в этом случае деспирантизация повсеместна: игнорируются не только спиранты в середине слов, но также сама лениция как грамматический показатель.

Во втором случае наиболее ясно видно, какие последствия может вызывать деспирантизация. Это неразличение крайне значимых грамматических категорий, а в дальнейшем и разрушение парадигм, например, рода местоимения: a chat «его кот» – a cat «ее кот»; времени и наклонения глагола: chuig mé «я положил» – cuig mé «похорони меня» и так далее.

Сам собой напрашивается вывод о деструктивном влиянии деспирантизации на облик современного ирландского языка в целом, причем не только на его благозвучие, но и на системную стройность. При нынешней его распространенности, это явление через фонологию неизбежно повлечет за собой изменение языкового сознания говорящих и, скорей всего, сыграет значительную роль в дальнейшем формировании дублинского диалекта.

Литература

Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. М., 2006.

McCone K., McManus D., Ó'Háinle C., Williams N., Breatnach L. Stair na Gaeilge. Maigh Nuad. 1994.

Ó Siadhail M., Wigger A. Córas Fuaimeanna na Gaeilge. Institiúid Ard-Léinn Bhaile Átha Cliath. 1983

Сопоставление русско-норвежского и русско-таймырского пиджинов

Комкова Анастасия Николаевна

Студентка Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, Москва

Пиджином в современной лингвистике называют вспомогательный язык смешанного типа с крайне ограниченным словарем и минимальной, неустоявшейся грамматикой, который складывается при контактах двух/нескольких генетически различных этносов в условиях отсутствия двуязычия. При этом язык стороны, играющей более активную роль в установлении данных контактов, становится основным источником лексики пиджина, т. е. *лексификатором*, а язык более пассивной стороны (обычно уровень ее социального развития ниже) влияет на построение грамматики, т. е. оказывается *субстратом*.

Русско-норвежский пиджин, получивший название *руссенорск* (далее – РН), – самый изученный из русских пиджинов. Он возник и использовался в бассейне Баренцева и Белого морей с конца XVIII - начала XIX в. до конца 20-х гг. XX в. при меновой торговле русских поморов с норвежцами с побережья Финнмарка, а также при межэтнических контактах дружных групп населения данного региона (в основном, представителей финно-угорской языковой семьи). В своем сопоставлении мы опираемся на исследование норвежских лингвистов И. Брок и Э.Н. Яра [Broch, Jahr], на сегодняшний день представляющее собой наиболее полное описание РН.

Русско-таймырский пиджин (так называемая *говорка*) возник на полуострове Таймыр как язык межэтнического общения русских переселенцев и коренного населения – представителей разных ветвей уральской и алтайской языковых семей. Из-за крайней скудости информации

история возникновения и развития говорки восстанавливается лишь гипотетически. Материал для сопоставления взят из работ Е.А. Хелимского. На момент введения в научный оборот в 1987 г. данный идиом находился на стадии исчезновения [Хелимский].

Точкой отсчета в сопоставлении двух представленных пиджинов является описание условий их возникновения и развития. Так, РН складывался как торговый пиджин, необходимый для облегчения периодических морских торговых контактов двух этносов, стоящих на одной ступени цивилизационного развития и говорящих на языках одной языковой семьи. Говорка же образовалась на базе постоянных, не ограниченных торговлей сухопутных контактов пришлого русского населения с коренным населением Таймыра, говорившим на неиндоевропейских языках и по своему культурному развитию значительно отстававшим от русского. Существенные различия указанных факторов у сопоставляемых идиомов нашли непосредственное отражение на всех уровнях их языкового строя.

На лексическом уровне внеязыковые факторы обусловили различие в количестве языков-лексификаторов. Так, структура говорки следует классической модели: один лексификатор – русский язык, а местные говоры образуют субстрат. В случае РН социальное равенство контактирующих сторон способствовало тому, что его лексикон сформировался на базе двух равноправных языков-лексификаторов, русского и норвежского. Отсюда вытекают и различия в плане выражения лексических единиц (отсутствие в говорке синонимических дублетов, широко представленных в РН: *musik/man* ‘человек/мужчина’, *dag/den* ‘день’), в количестве и характере заимствований из других языков, наконец, в составе семантических групп.

На фонетическом уровне различия проявляются в направлении изменений, происходивших в процессе пиджинизации. В РН, как в пиджине с двумя языками-лексификаторами, эти изменения были двунаправленными: система избавлялась от фонем, которые имелись только в одном из языков-источников. В говорке, вследствие наличия только одного языка-лексификатора, все фонетические изменения были направлены в одну сторону – к приспособлению лексем русского языка к произношению языков/диалектов субстрата.

В морфологии различия сопоставляемых идиомов определяются не только экстралингвистическими факторами, но и тем, что субстратом говорки являются урало-алтайские языки агглютинативного строя. Отсюда вытекают такие особенности говорки, как аналитическое выражение множественного числа существительных и личных местоимений (особая конструкция с постпозитивной частицей *se* (< рус. *все*): *казку се* ‘сказки’, *меня се* ‘мы’), а также употребление послелогов (*Как тебя голова место попал?* – ‘Как тебе в голову пришло?’), чего нет и не может быть в РН, сложившемся на основе индоевропейских языков. К влиянию внеязыковых факторов можно отнести отражение в морфологической структуре РН особого регистра «русского для иностранцев» (на базе глагола и ме-

стоимения) [Беликов: 104], а также формальное выделение глагольного класса (при помощи суффикса *-om*: *korom* 'покупать', *drikkom* 'пить'), что не находит соответствий в говорке.

На уровне синтаксиса различия двух идиомов также во многом определяются агглютинативным строем языков субстрата говорки. Влиянием субстрата обусловлены отличия говорки от РН в порядке слов в словосочетании и предложении (в атрибутивных конструкциях говорки определяющее слово всегда стоит перед определяемым, а в семантически подчиненных предикациях и эмфатических вопросах особый порядок слов – OVS), а также в употреблении служебных слов (в РН – предлоги, в говорке – послелого).

Однако, помимо вышеуказанных отличий, РН и говорка на всех уровнях имеют и ряд сходных черт, проистекающих из их общей принадлежности к классу контактных языков и общего для обоих языка-лексификатора – русского в севернорусской диалектной разновидности. Таким образом, сходные явления в структуре данных пиджинов являются либо лингвистическими универсалиями контактных языков, либо обусловлены особенностями как русского языка в целом, так и северных диалектов. Так, к универсальным чертам пиджинов относим общую редукцию языковой системы обоих идиомов, и такие частные ее проявления, как утрату смычки у [ц], полисемию и контекстную обусловленность значения лексем, утрату основных грамматических категорий, тенденцию к совмещению максимального числа функций в одной служебной лексеме и др. Проявление в РН и говорке диалектных особенностей также представлено на всех уровнях их языковых структур, но происходит это не всегда параллельно, что тоже, по-видимому, связано с экстралингвистической ситуацией. В фонетической системе РН, например, нашли отражение многие особенности севернорусских говоров в произношении гласных и согласных звуков (отражение оканья, цоканья и т. п.), тогда как в фонетике говорки влияние соответствующих диалектов проявляется только на суперсегментном уровне.

Литература

- Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997.
- Хелимский Е.А. «Русский говорка место казать будем» (таймырский пиджин) // Возникновение и функционирование контактных языков. Материалы рабочего совещания. М., 1987.
- Broch I., Jahr E.H. Russenorsk – et pidginspråk i Norge. Oslo, 1984.

Семантика сожаления в норвежском языке

Липтева Ольга Юрьевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Полисемичность русского слова *сожаление* отражает неоднозначность соответствующего понятия, которая, в свою очередь, обусловлена спецификой его центрального семантического компонента – компонента оценки [Зализняк].

Пропозитивный объект сожаления может содержать отрицательную или положительную оценку. Таким образом, *сожаление* обозначает эмоциональное состояние, возникшее в связи с некоторой ситуацией в прошлом, но в одном значении оно описывает состояние, вызванное отрицательной оценкой ситуации, а в другом – ее положительной оценкой. Эти два вида сожаления (обозначим их как *первый* и *второй* вид сожаления соответственно) очень близки по смыслу и в ряде случаев могут заменять друг друга, не меняя смысл всего высказывания. Отдельно выделяется *третий* вид сожаления, который можно обозначить как «жалость, сострадание».

В норвежском языке, в отличие от русского, произошло расщепление понятия *сожаление*, что обусловило отсутствие родового обозначения. Чтобы выявить все возможные норвежские соответствия данного русского слова в каждом из его значений, а также определить характер отношения между ними, мы воспользовались методом «семантических зеркал» норвежского исследователя Хельге Дювика.

В статье «A Translational Basis for Semantics» Дювик [Dyvik], описывает теорию «семантических зеркал» (*semantic mirrors/semantiske speil*), разработанную с использованием методов семантической алгебры. Цель его исследования – составить так называемую «сеть слов» (*ordnett*), лексическую базу данных, где будут определены различные значения каждого слова и отношения между ними, а также подобраны синонимы к каждому такому значению. Источником лексического материала послужил параллельный англо-норвежский корпус ENPC, который содержит оригинальные норвежские тексты и их переводы на английский язык.

В основе этой теории лежит положение о том, что большинство слов любого языка переводится на другой язык определенным набором эквивалентов (так называемые «возможные переводы»). Значения слов могут совпадать и пересекаться, что связано с многозначностью и отсутствием четких границ внутри семантического поля. Слова, входящие в одну лексико-семантическую группу, характеризуются наличием общих «семантических черт», связанных с одним определенным значением переводимого слова. Система этих черт отражает особенности семантических отношений между исходным словом и его переводными эквивалентами, с одной стороны, и между синонимами внутри каждого из языков – с другой.

Применив метод Дювика к данным русско-норвежского [РНС] и норвежско-русского [БНРС] словарей, мы получили следующие результаты. Для понятия сожаления выделяются три «основные семантические группы», соответствующие трем видам сожаления у Анны А. Зализняк: 1) сожаление, раскаяние; 2) сожаление, отсутствие, недостаток, нехватка, потеря; 3) сожаление, сострадание, сочувствие, жалость.

Им соответствуют три ограниченные группы в норвежском языке (для каждой группы указаны соответствующие существительные и глаголы):

1) Anger сожаление, 'раскаяние', beklagelse 'сожаление'; angre 'сожалеть, раскаиваться', beklage 'сожалеть, жалеть, жаловаться';

2) Savn 'отсутствие чего-л., нехватка; тяжелая утрата, потеря', savne 'скучать о ком-л., неоставать, не хватать кого-л., чего-л., чувствовать утрату, потерю';

3) Medlidenhet ‘сострадание, сочувствие, жалость’, medfølelse ‘сочувствие’, medynk ‘сострадание, жалость’; synes synd på ‘жалеть’, ha medynk ‘жалеть, чувствовать жалость’, ha medlidenhet med ‘сострадать’, unke ‘жалеть’.

Таким образом, мы выделили список норвежских слов, соответствующих понятию сожаления. Далее мы рассмотрели каждый вид сожаления в отдельности, проведя компонентный анализ входящих в соответствующую семантическую группу лексем (о методе компонентного анализа см., например [Селивёрстова]). Описав модель мира субъекта сожаления, мы выделили компоненты значения каждого из видов и сравнили их между собой.

На следующем этапе исследования мы проанализировали употребление слов, выражающих сожаление всех трех видов, в норвежской речи. В результате были выделены различия в значении слов, относящихся к одному виду сожаления, а также случаи пересечения значения и слова, которые возможно отнести к более чем одному виду сожаления.

Литература

- [БНРС] – Большой норвежско-русский словарь // Отв. ред. В.П. Берков. Осло, 2003.
 [РНС] – Берков В.П. Русско-норвежский словарь. Осло, 1994.
 Зализняк Анна А. О семантике сожаления // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1998.
 Селивёрстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004.
 Duvik H. Semantic Mirrors. A Translational Basis for Linguistic Semantics // Corpora and Crosslinguistic Research: Theory, Method and Case Studies / Stig Johansson and Signe Oksefjell (eds.). Rodopi, 1998.

Особенности англоязычного влияния на словообразовательные процессы современного шведского языка (на материале новейшей лексики)

Мокин Игорь Викторович

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва,

В настоящее время в Швеции уделяется особое внимание статусу национального языка и его норме. Вопросы значения и употребления неологизмов – одни из самых важных в работе специалистов по культуре речи и языковому нормированию. Издававшийся до 2006 г. журнал Språkvård ежегодно публиковал списки новых слов, вошедших в употребление за предыдущий год, по материалам которых в 1986 и 2000 гг. были изданы словари неологизмов. К новейшей лексике относятся единицы, вошедшие в списки, опубликованные после 2000 г.

Во всех списках неологизмов приводились примеры их употребления; для заимствований указывался язык-источник. Чтобы определить частотность конкретной лексемы, контексты ее употребления и дату первого появления, использовались корпуса шведскоязычных текстов, такие, как национальный корпус Språkbanken (Гетеборгский университет) и корпусы текстов СМИ Presstext и Mediarkivet.

Новейшая лексика шведского языка отличается формальным и стилистическим разнообразием. В ней находят отражение основные тенденции пополнения словарного состава современного шведского языка. Одна из них – значительное англоязычное влияние, проявляющееся в виде как прямых заимствований, так и неологизмов, образованных по моделям английских слов. Следует отметить, что новейшая лексика иллюстрирует прежде всего те процессы в словообразовании, которые, как показывает материал словаря неологизмов 2000 г., были зафиксированы в шведском языке уже в конце прошлого столетия. Остановимся на трех из них, непосредственно связанных с англоязычным влиянием.

1. Возникают новые лексические единицы, образованные сочетанием исконно шведских корневых морфем и аффиксов иноязычного происхождения. К ним относятся такие новейшие слова, как глагол **svennefiera** «становиться типичным шведом» и образованное от него существительное **svennefiring** «преображение в типичного шведа». Производящим словом для них выступило обиходно-разговорное существительное *svenne* «швед», часто используемое с оттенком пренебрежения иммигрантами об этнических шведах. Особенно интересен тот факт, что некоторые новейшие слова этого типа образованы от местоимений, например: существительное **andrafiring** «очуждение» – от местоимения *annan* «другой» в форме множественного числа *andra*, а существительное **nånannanism** «желание переложить ответственность на других» – от местоименного словосочетания *någon annan* «кто-либо другой» в фонетической записи *nånannan*.

Аффиксы подобных неологизмов являются полностью или частично иноязычными по происхождению. Так, суффикс *-ism* восходит к греческому языку, а морфема *-firing* представляет собой групповой суффикс (термин А.И. Смирницкого), состоящий из элемента *-fier-* латинского происхождения и шведского *-ing*. Оба этих аффикса стали в современном шведском языке высокопродуктивными под влиянием английского языка.

2. Получают определенное распространение слова-гибриды – производные, состоящие из усеченных корней двух производящих слов. К ним относятся такие новейшие лексические единицы, как существительные **flexitarian** «нестрогий вегетарианец» и **flexidaritet** «политика гибкости и социальной ответственности». Первое из них – прямое заимствование из английского языка, состоящее из прилагательного *flexible* «гибкий» и существительного *vegetarian* «вегетарианец». Будучи заимствованным в шведский язык, оно сохраняет членимость и предстает как сочетание шведских прилагательного *flexibel* и существительного *vegetarian* с теми же значениями, что и в английском. Это и подобные ему существительные стали образцом для собственно шведского неологизма **flexidaritet**, являющегося гибридом существительных *flexibilitet* «гибкость» и *solidaritet* *zd.* «социальная ответственность».

Масштаб этой тенденции в современном шведском языке относительно невелик; она, вероятнее всего, ограничивается созданием потенциальных слов, рассчитанных на эффект языковой игры в рекламных целях. Так, существительное **flexidaritet** появилось во время предвыборной кампании 2006 г. и стало частью лозунга Партии центра. В английском языке бытование слов-гибридов иное: гибридами являются многие употребительные слова, такие, как *smog* «смог» (*smoke* «дым» + *fog* «туман») или *camcorder* «видеокамера» (*camera* «камера» + *recorder* «записывающее устройство»).

3. С предыдущей тенденцией связан третий заметный процесс, наблюдаемый на материале новейшей лексики при сравнении ее с неологизмами конца XX в. Это словообразовательная активность двух иноязычных элементов: *-mat* (усечение от *automat* «автомат») и *-tek* (от *bibliotek* «библиотека», *apotek* «аптека»), изначально входивших в интернациональные слова.

В шведском языке образование неологизмов с компонентами *-mat* и *-tek* первоначально было связано исключительно с иноязычным влиянием: так, например, существительные *diskotek* «дискотека» (от французского *discothèque*) и *tvättomat* «прачечная самообслуживания» (гибрид существительных *tvätt* «стирка» и *automat*, калька с английского *laundromat* из *laundry* «прачечная» и *automat*). Впоследствии по образцу этих слов возникли такие собственно шведские неологизмы, как *klippotek* «небольшая парикмахерская» от существительного *klippning* «стрижка» и *bankomat* «банкомат» (это международное слово не имеет аналога в английском, но есть, например, в итальянском – *bancomat*). К новейшей лексике относятся существительные ***vårdotek*** «центр доврачебной помощи» от существительного *vård* *зд.* «медицинская помощь», ***givomat*** «автомат для приема денег на благотворительность» от глагола *giva* «давать» и ***kollektomat*** «автомат для приема пожертвований в церкви» от существительного *kollekt* «церковные пожертвования».

Употребление элемента *-tek* позволяет предположить, что он постепенно отделяется от изначально нечленимых в шведском языке существительных греческого происхождения (*bibliotek*, *apotek*) и приобретает некоторые черты локативного суффикса. Однако такие образования с элементом *-tek* еще не приобрели регулярный характер, необходимый для его превращения в словообразовательную морфему. Для сравнения приведем русские существительные с элементом *-тек-*: в XX в. с его помощью образованы существительные *картотека*, *фонотека* и ряд других, в которых регулярно выделяется словообразовательное значение компонента *-тек-*.

Что касается элемента *-mat*, то его развитие идет иным путем. Новейшие слова с ним обозначают именно автоматы по приему наличных денег либо банкоматы, а не просто автоматические устройства. Этот факт дает возможность предположить, что неологизмы ***givomat*** и ***kollektomat*** возникли с опорой на существительное *bankomat*, а не *automat*. Представляется, однако, что даже сравнительно большое число таких гибридов не позволяет элементу *-mat* приобрести свойства аффикса, так как словообразо-

вательное значение, которое можно было бы ему приписать, оказалось бы слишком специфично и узко.

Становление генитива на *-(e)ns* в немецком языке

Пиперски Александр Чедович

Студент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В современном немецком языке существует небольшая группа существительных, имеющих в Gen. Sg. окончание *-(e)ns*. Сюда относятся имена мужского рода *Buchstabe, Fels, Friede, Funke, Gedanke, Glaube, Haufe, Name, Same, Schade, Wille* и имя среднего рода *Herz*. Большинство из этих слов имеют также дублиеты с *-n* в Nom. Sg., относящиеся к сильному склонению: *Funken – Funken-s* и т. д. Сравнительная частота употребления для каждой пары дублиетов различна: напр., в словаре [Duden Universalwörterbuch, 2006] в паре *Wille – Willen* помету «редк.» (*selten*) имеет слово *Willen*, а в паре *Same – Samen* – слово *Same*.

Все вышеприведенные существительные обозначают абстрактные понятия или неодушевленные предметы, тогда как почти все остальные исконно немецкие слова слабого склонения (т. е. имена с Gen. Sg. на *-en*) обозначают живых существ: напр., *Bär, Herr, Löwe, Riese* и т. п. Единственным исключением из этого правила, зафиксированным в словаре [Duden Universalwörterbuch], является слово *der Hode – des Hoden*, но оно имеет вариант женского рода *die Hode* и более употребительный вариант сильного склонения *der Hoden – des Hodens*; можно также рассматривать как исключение устаревшее слово *der Zehnt – des Zehnten* ‘церковная десятина’ (с дублиетом *der Zehnte – des Zehnten*), но даже синхронно (и тем более диахронически) естественнее трактовать это слово как субстантивированное порядковое числительное, игнорируя апокопу *-e* в Nom. Sg.

Несмотря на внешнее сходство с готским слабым склонением типа *hana – hanins*, немецкие формы на *-(e)ns* не являются непосредственным продолжением общегерманских форм на **-in-iz/*-en-az*: в древневерхненемецком языке имена Masc./Neutr. слабого склонения в Gen. Sg. закономерно имеют окончания *-in/-en* (*nemin, namen*) [Braune: 207]; вследствие выравнивания основы по Nom. Sg. и редукции безударных гласных в средневерхненемецкий период в Gen. Sg. встречаются только формы на *-en* без умлаута (*namen*) [Paul: 185]. Формы на *-ens* спорадически появляются начиная с XV в. как у одушевленных, так и у неодушевленных существительных слабого склонения [Molz: 335-336], что объясняется общей тенденцией к унификации субстантивного склонения; в XVI–XVII вв. они получают большее распространение, хотя уже в XVII в. наблюдается возвращение большинства существительных к формам Gen. Sg. на *-en*, окончательно завершающееся в XVIII в. [Wege: 159].

Нас интересует, почему окончание *-(e)ns* закрепилось именно за классом неодушевленных существительных слабого склонения. Как нам кажется, можно найти связь между этим явлением и становлением современного правила маркирования именных групп по падежу и роду/числу. Это правило формулируется так: в именной группе падеж и род/число должны быть выражены ненулевым образом как можно меньшее число раз, но не менее одного раза. Важнейшим из следствий этого правила является склонение прилагательных: они принимают слабую форму (*-e* в Nom. Sg. и *-en* в остальных формах; поправка – Acc. всегда имеет ту же форму, что и Nom., за исключением Masc. Sg.), если артикль или местоимение и/или окончание входящего в ту же именную группу существительного уже выражают падеж и род/число, и сильную форму (т. е. форму местоименного склонения), если другого ненулевого выразителя соответствующих граммем в именной группе нет.

Не пытаясь установить причину возникновения этого правила, отметим, что ему противоречили именные группы в Gen. Sg. вида «нулевой артикль + прилагательное + существительное Masc./Neutr. сильного склонения» (напр., *gutes rates*), поскольку здесь значение Gen. Sg. Masc./Neutr. уже выражалось окончанием самого существительного (соответствующие группы с существительным слабого склонения – напр., *gutes willen* – были, разумеется, намного менее частотны). Это и послужило толчком к тому, что с XV в. у прилагательных в Gen. Sg. Masc./Neutr. после нулевого артикля начинает появляться окончание *-en*, которое встречается (иногда параллельно с *-es*) уже почти во всех текстах 2-й половины XVI в. [Solms, Wegeza: 170].

Именно в эту эпоху, как было сказано выше, происходит и закрепление окончания *-(e)ns* за абстрактными существительными слабого склонения. Данный процесс, на наш взгляд, объясняется тем, что эти слова достаточно часто употреблялись с нулевым артиклем и прилагательным, и, соответственно, словосочетания в Gen. Sg. с новым адъективным окончанием *-en* и со старым субстантивным окончанием *-en* (напр., ***guten willen*) оказались бы никак не маркированы по падежу и роду/числу. Поэтому у абстрактных существительных слабого склонения возникла потребность в дополнительном маркировании Gen. Sg. с помощью *-s*. Такой необходимости не было у существительных слабого склонения, обозначающих живых существ, поскольку они в большинстве случаев употреблялись с артиклем или местоимением, которые и выражали падеж и род/число; поэтому у этих имен закрепилось *-en* в Gen. Sg. как окончание, не препятствующее однократному маркированию словоизменительных категорий в именной группе. Что же касается абстрактных имен слабого склонения, то к ним примыкала группа конкретных имен, имевших абстрактные переносные значения: *Herz* со значением ‘душа’, *Name* со значением ‘репутация’ или ‘род’, *Same* со значением ‘происхождение’. Эти существительные тоже получали *-(e)ns* в словосочетаниях типа *guten namens*, *schweren herzens*, и во избежание расщепления лексемы это окончание распространилось и при употреблении этих слов в основных зна-

чениях; в свою очередь, формирование группы конкретных неодушевленных имен с окончанием *-(e)ns* индуцировало переход в этот тип почти всех исконно германских имен слабого склонения, обозначавших неживые предметы, если только эти существительные не перешли в сильное склонение в результате параллельно протекавшего распространения *-n* на Nom. Sg.

Это теоретическое построение вполне соответствует наблюдаемым фактам: если формы Gen. Sg. *willens* и *glaubens* регулярно встречаются уже в XVI в., то *herzens* становится общераспространенной формой лишь в XVII в., в то время как Gen. Sg. *Buchstaben* и *Buchstabens* конкурируют еще в XVIII в.

Итак, тип склонения неодушевленных имен с Gen. Sg. на *-(e)ns* формировался в три этапа:

1. Абстрактные имена;
2. Конкретные имена, неокказионально имеющие также абстрактные значения;
3. Прочие конкретные имена.

Литература

- Braune W.* Althochdeutsche Grammatik. Bearb. von I. Reiffenstein. Tübingen, 2004.
Duden Universalwörterbuch. Mannheim, 2006.
Molz H. Neuhochdeutsche Substantivflexion // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1902. S. 209–342.
Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen, 2007.
Solms H.-J., Wegera K.-P. Grammatik des Frühneuhochdeutschen. Bd. VI: Flexion der Adjektive. Heidelberg, 1991.
Wegera K.-P. Grammatik des Frühneuhochdeutschen. Bd. III: Flexion der Substantive. Heidelberg, 1987.

К трактовке образа берсерка в исландских сагах

Родионова Анастасия Павловна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Берсерк – персонаж, встречающийся во многих древнеисландских памятниках. В традиционном понимании это могучий воин, наделенный нечеловеческой силой, практически неуязвимый и способный в битве прийти в особое боевое исступление. Часто он наделен сверхъестественными чертами, а боевое исступление приравнивается к превращению в дикого зверя. Отряды берсерков представляются своего рода образцом традиционного мужского союза. Однако анализируя древнеисландские памятники, мы можем увидеть, что этот образ не является основным в традиции.

Подобное описание поведения берсерков мы находим в «Круге Земном». Берсерки связаны с Одином – так пишет Снорри Стурлусон в «Саге об Инглингах»: Óðinn kunni svo gera, að í orustu urðu óvinir hans blindir eða daufir eða óttafullir en vopn þeirra bitu eigi heldur en vendir en hans menn fóru brynjulausir og voru galnir sem hundar eða vargar, bitu í skjöldu sína, voru sterkir sem birnir eða gríðungar. Þeir drápu mannfólkið en hvorki eldur né járn orti á þá. Það er kallaður

berserksgangur (Yngl. 6) «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда. Такие воины назывались берсерками». Здесь же представлено и описание поведения берсерков (сравнение с медведями и волками), с которым, видимо, связано распространенное представление о берсерке как об оборотне. В «Видении Гюльви» в «Младшей Эдде» («Смерть Бальдра») Снорри еще раз упоминает о берсерках Одина: En er hon kom ok reið vargi ok hafði höggom at taumum, þá hljóp hon af hestinum, en Óðinn kallaði til berserki fjóra at gæta hestsins, ok fengu þeir eigi haldit, nema þeir felldi hann – «Когда она [великанша Хюрроккин] приехала – верхом на волке, а поводьями ей служили змеи – и соскочила наземь. Один позвал четырех берсерков поддержать ее коня, но те не могли его удержать, пока не свалили». Однако следует учитывать, что Снорри Стурлусон не просто излагал известные ему факты, но и мог их как-то творчески переосмысливать и интерпретировать. Других прямых упоминаний о связи берсерков с Одином или каким-то другими асами мы не находим.

Описания берсерка как оборотня и вообще существа, наделенного сверхъестественными качествами, представлены главным образом в текстах Снорри Стурлусона. Эпизоды с участием берсерков довольно часто встречаются и в других сагах, но в них образ берсерка во многом отличается от того, что мы видим у Снорри. В сагах берсерк может быть наделен какими-то необычными качествами, как правило, большой физической силой, высоким ростом или свирепостью, но не изображается как оборотень, и тем более нигде не говорится о том, что он имеет отношение к какому-нибудь божеству.

Берсерк может быть просто воином. Так, в некоторых случаях берсерками названа дружина конунга, как, например, в «Саге об Эгиле»: berserkir konungs tólf voru í söxum (Eg.9) – «Двенадцать берсерков конунга находились в передней части корабля».

Но в большинстве саг поведение берсерков описывается просто как разбойное, например, в «Саге о Гисли»: Maður hét Björn hinn blakki og var berserkur; hann fór um land og skoraði á menn til hólmgöngu ef eigi vildu hans vilja gera (Gisl.1) «Жил человек по имени Бьерн Бледный. Он был берсерк. Он разъезжал по стране и вызывал на поединок всякого, кто ему не подчинялся». Или в «Саге о Греттире»: Þótti mönnum það mikill ósiður í landinu að úthlaupsmenn eða berserkir skoruðu á hólm göfgum mönnum til fjár eða kvenna. Skyldu hvorir ógildir falla sem féllu fyrir öðrum» (Gret. 19) «Людям казалось большим непорядком, что разбойники и берсерки принуждали достойных людей к поединкам, покушаясь на их жен и добро, и не платили виры за тех, кто погибал от их руки». В этой же саге: Tveir bræður eru nefndir til að verstir voru. Hét annar Þórir þömb en annar Ög-

mundur illi. Þeir voru háleyskir að ætt, meiri og sterkari en aðrir menn. Þeir gengu berserksgang og eirðu öngu þegar þeir reiddust. Þeir tóku á burt konur manna og höfðu við hönd sér viku eða hálfan mánuð og færðu síðan aftur þeim sem áttu. Þeir rændu hvar sem þeir koma eða gerðu aðrar óspektir «Называют двух братьев, которые были всех хуже. Одного звали Торир Брюхо, а другого Эгмунд Злой. Они были родом с Халогаланда, сильнее и выше ростом, чем прочие люди. Они были берсерками, и, впадая в ярость, никого не щадили. Они уводили мужних жен и дочерей и, продержав неделю или две у себя, отсылали назад. Где только они ни появлялись, всюду грабили и учиняли всякие другие бесчинства». В подобных эпизодах берсерк не изображается как могучий воин, имеющий отношение к каким-либо сверхъестественным силам или колдовству, это просто грабитель и разбойник, творящий разные беззакония. В описании их поведения может говориться, что они воют как собаки или волки, кусают свои щиты, но, по видимому, такие описания становятся уже своего рода клише, устойчивыми формулами для изображения berserksgangr и не предполагают буквального превращения берсерка в дикого зверя.

То, что в более позднее время такое поведение воспринималось как преступление, подтверждается и тем, что berserksgangr (так обозначается поведение берсерков, в данном случае оно приравнивается к юридическому термину) каралось законом. Это зафиксировано, например, в древнеисландском своде законов «Серый Гусь». В то же время стоит отметить, что наказание за berserksgangr упоминается в одной главе с наказанием за колдовство и приношение жертв языческим богам.

Таким образом, можно наблюдать эволюцию образа берсерка в древнеисландских памятниках и заметить различия между берсерком мифологическим и берсерком «бытовым», причем в сагах будут преобладать скорее бытовые контексты с участием берсерков, где они лишены своего героического ореола. Мы не находим достаточных доказательств, чтобы считать берсерка оборотнем ни в текстах, ни с точки зрения этимологии (о связи слова berserkr с обозначениями медведя и волка нельзя говорить с уверенностью). Стоит отметить и то, что в более поздних сагах в «Круге Земном» о берсерках не говорится. Возможно, в век саг берсерк воспринимался уже как часть мифологического прошлого (к которому можно отнести и контексты из «Круга Земного»), а не как реальное явление. Со временем происходит снижение образа, о чем свидетельствуют и саги, и возможность включения берсерка в правовой контекст и наказания его по закону.

Теории происхождения и употребление двойных модальных сочетаний в диалектах равнинной Шотландии (скотс)**Самойлова Юлия Александровна***Соискатель, Институт лингвистических исследований Российской Академии наук,
Санкт-Петербург*

Комбинации двойных и тройных модальных сочетаний, таких как «might could» и «will might could», распространенные на севере Англии, в северной Ирландии, Шотландии и в южных штатах США, известны лингвистам уже в течение долгого времени. Интерес к подобным сочетаниям можно объяснить их необычностью и противоречиями правилам классической английской грамматики.

Первые двойные модальные сочетания были засвидетельствованы в письменных памятниках нортумбрийских диалектов [Beal, Fennell]. В текстах древнеанглийского периода и первой половины старо-шотландского (XII–XVIII вв.) данные конструкции не были найдены. В XV–XVI вв., которые соотносятся с началом литературного периода языка скотс, двойные модальные конструкции нашли свое отображение в письменных текстах, написанных на скотс. В настоящее время употребление двойных и тройных модальных сочетаний не ограничено только территорией Шотландии. Скотс, также как и литературный английский язык, подвергся экспансии. Он был вывезен за пределы Великобритании шотландскими эмигрантами в Новый Свет: Северную Америку, точнее южные штаты, и Австралию. Типично шотландские употребления не распространены равномерно по всей территории США, а локализованы в тех штатах, в которых изначально обосновались поселенцы. Некоторые особенности языка скотс, а именно двойные модальные сочетания, получили распространение и в креольских языках Карибского бассейна [Bernstein:110].

Точки зрения британских и американских лингвистов касательно происхождения двойных и тройных модальных сочетаний расходятся. Британские ученые [Miller] придерживаются мнения, что подобные сочетания имеют древнее происхождение. В своих утверждениях они опираются на древние письменные источники. В качестве другого доказательства можно также отметить, что двойные модальные конструкции встречаются также и в других языках германской группы, например в немецком и норвежском.

Ich **muss** das **machen können**. – I **must be able to do** it [Hall, Scheiner:129].

Er **muss** jeden Morgen um 8 Uhr **aufstehen können**.- He **must be able to wake up** at 8 o'clock every day [там же].

Die Mitarbeiter **dürfen** im Institut nicht **rauchen sollen**. – The staff **must not smoke** here [Hall, Scheiner, 1998:132].

Ученые американской лингвистической школы [Nagle], основываясь на тех же фактах и выводах, отмечают, что первоначально количество двойных модальных сочетаний было не столь многочисленно и разнообразно, как в современном языке. Предположительно данные сочетания были завезены на территорию США из Шотландии или Ирландии, но свое дальнейшее развитие они получили уже в США. Можно отметить, что те сочетания, которые лингвисты Великобритании относят к архаизмам, лингвистами США относятся к языковой инновации.

Отрывочные и малочисленные данные, иллюстрирующие рассматриваемое явление, объясняются тем, что двойные и тройные модальные сочетания можно встретить в основном в устной речи, преимущественно в речи жителей сельской местности. Хотя некоторые наиболее частотные сочетания типа «will can» или «might could» начинают употребляться в речи образованных людей [Macaulay].

Наиболее употребляемые комбинации состоят из двух элементов, хотя встречаются и конструкции с тремя модальными глаголами. Обычно в качестве второго элемента выступает модальный глагол «can» или «could»:

1. We **might can go** up there next Saturday
2. We **may could** fix it.
3. You **might oughta go** home and sleep it off.
4. He'**ll might could do** it for you. – He **might be able to do** it for you in future.

Список таких сочетаний длиннее. Сочетания модальных глаголов могут зависеть как от ситуации, так и от отношения говорящего. К наиболее частотным комбинациям относят сочетания can might, could might, will can, may can, may should. Значения глаголов в конструкции дополняют друг друга и частично восполняют тот «пробел», который образовался из-за утраты частью модальных глаголов скотс некоторых лексических значений. Часто наличие двойных модальных сочетаний в предложении смягчают фразу, придавая ей менее декларативное значение. Например:

You **should take** out the trash now. – You **might should take** out the trash now.

Самое примечательное в ситуации, сложившейся в скотс, заключается в том, что именно особенности этого «малого» языка вызывают диаметрально противоположные мнения и отношения. Например, употребление шотландизмов в речи, вызывает негативную оценку, но подобное употребление, зафиксированное в литературе, воспринимается, как попытка сохранения языковых особенностей и традиций, вызывает положительную реакцию. Следует отметить, что двойные модальные сочетания становятся все более и более употребляемыми уже не только в сельской местности, но и в городской среде. В настоящее время происходит обращение к диалектам как к стилистическому резерву языка. Появляются литературно-художественные произведения, где в речи персонажей используются региональные формы речи или ее элементы. Это обуслов-

лено стремлением автора подчеркнуть шотландское происхождение героя, поскольку считается, что «английский язык не способен предоставить выразительные средства для передачи некоторых основных особенностей шотландской психологии» [Mac Dairmid: 36].

Литература

- Beal J.* The Grammar of Tyneside and Northumbrian English in Milroy and Milroy (eds). London, 1993. P. 187–213.
- Bernstein C.* Grammatical features of southern speech: yall, might could, and fixin to // English in the Southern United States (Studies in English Language). Cambridge University Press, 2003. P. 108–118.
- Fennel B., Butters R.R.* Historical and contemporary distribution of double modals in English // Focus on the USA. Amsterdam, Philadelphia, 1996. P. 265–288.
- Hall K., Scheiner B.* Übungsgrammatik für Fortgeschrittene. Deutsch als Fremdsprache. Max Hueber Verlag, Ismaning, 2001.
- Mac Dairmid H.* Albyn: or Scotland and the future. London, 1927.
- Macaulay R.K.S.* Locating Dialect in Discourse: The Language of Honest Men and Bonny Lassies in Ayr. Oxford, 1991.
- Miller J.* The Grammar of Scottish English // Real English: the Grammar of English Dialects in the British Isles. Part I / Ed. by J. Milroy, L. Milroy. London, New-York, 1993. P. 99–138.
- Nagle S.J.* Double modals in early English // In papers from the 9th International Conference on Historical Linguistics / Ed. by H. Aersten, R. Jeffers. Amsterdam, Philadelphia, 1993. P. 363–370.

Глаголы ментального действия в норвежском языке

Солдатова Дарья Николаевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Глаголы ментального действия относятся к так называемым модусным глаголам. Еще Ш. Балли ввел разделение высказывания на диктум и модус. Соответственно выделяется два класса предикатов: «предикаты диктума, выражающие объективную информацию, и предикаты модуса, модусной рамки, «проявляющие» позицию субъекта речи. Первые представляют «отрезок» внеязыкового бытия, вторые, в отличие от первых, не являются самостоятельными, они функционируют как рамка объективной информации, предъявляют информацию и ситуации речи, интерпретируют диктум» [КГРЯ: 75].

При помощи глаголов ментального действия говорящий выражает свое мнение о фактах, событиях, лицах. Мнение, в отличие от знания, не может быть истинным или ложным, оно может только подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Таким образом, мнение истинно в одном из возможных миров, но, в отличие от знания (утверждения), этот мир не обязательно совпадает с реальным. Изложение мнения предполагает явное указание на носителя мнения. Мнение содержит информацию не о самой действительности, а о том, какой образ действительности есть у говорящего.

Обычно различают мнение-предположение и мнение-оценку. Предположение оценивает действительность с точки зрения возможности/невозможности ситуации, то есть когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности, поэтому мнение-предположение легко соединяется с выражением уверенности или неуверенности, а также сочетается с указанием на возможность ошибки или альтернативного положения дел. Обычно в таких контекстах употребляется глагол *думать*.

Мнение-оценка не рассматривает ситуацию с точки зрения ее возможности/невозможности, следовательно, по этому параметру оно сближается со знанием. Для говорящего его оценка является аналогом истины, но при этом он должен осознавать, что у другого человека может быть другая оценка, а это сближает оценку с мнением-полаганием. Таким образом, мнение-оценку можно назвать «субъективным знанием» [Дмитровская: 53]. Обычно в таком случае употребляется глагол *считать*.

Анна А. Зализняк [Зализняк: 193] указывает, что наличие двух основных глаголов с противопоставлением мнения-предположения и мнения-оценки характерно для многих языков, в том числе для некоторых германских, в частности, для английского и немецкого. Она отмечает, что глаголы, которые соотносятся с *думать*, имеют значение ‘думать о ком/чем’ и значение ‘намереваться’, этих значений нет у глаголов, соответствующих *считать*. Что касается глагола со значением ‘считать’, то он совпадает с глаголом со значением ‘верить’.

В норвежском языке дело обстоит несколько иначе. Во-первых, есть глагол со значением ‘думать о ком/чем’ – *tenke*, но он не выступает в качестве модусного предиката. Во-вторых, с глаголом со значением ‘верить’ совпадает глагол со значением ‘считать’, а не глагол со значением ‘думать’. В-третьих, для выражения мнения в норвежском языке используются три глагола: *tro*, *synes* и *mene*. При этом *mene* долго находился на периферии системы ментальных глаголов, однако в недавнее время его семантика и употребление стали активно изменяться, и начался процесс корректировки всей системы.

Таким образом, выявление стереотипных контекстов употребления глаголов *tro*, *synes* и *mene* помогает определить как тип субъекта (т. е. какие свойства говорящего важны), так и характеристику информации, содержащейся в диктуме. В результате получаем схему: тип говорящего – глагол – информация. Такая схема дает возможность не только точнее описать семантику анализируемых глаголов, но также выявить, насколько употребление того или иного глагола определяется социолингвистическими стереотипами.

Кроме того, последовательное сравнение употребления предикатов мнения в норвежском и русском языках позволяет установить наличие/отсутствие межъязыковых стереотипов, либо определить, чем внутриязыковые стереотипы двух языков отличаются друг от друга.

Литература

- Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.
- Зализняк Анна А. Считать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты: Сб. науч. тр. // Отв. ред. Н.А. Арутюнова. М., 1991.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Нарушения семантической корреляции в русско-немецких разговорниках XVI–XVII вв.**Сороколетова Ольга Сергеевна***Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва*

Русско-немецкие разговорники XVI–XVII вв. относятся к одному из наиболее интересных жанров двуязычной прикладной литературы позднего средневековья и начала Нового времени. Объектом данного исследования стали следующие тексты: русско-верхненемецкий разговорник Томаса Шроче (1546) [Schr], анонимный русско-нижненемецкий разговорник *Rusch Boeck* (XVI в.) [AnRB] и русско-нижненемецкий разговорник Тённиса Фенне (1607) [Fe]. Создаваясь в рамках русско-ганзейской торговли (центрами которой, как известно, были Новгород и Псков), эти памятники были прежде всего ориентированы на потребности коммуникативной практики и использовались ганзейскими купцами для изучения русского языка.

Подобная практическая направленность разговорников обусловила ряд их характерных черт, таких, как деление текста на лексическую и разговорную части, расположение слов лексической части не в алфавитном порядке, а в соответствии с лексико-семантическими критериями [Gernentz, Korol, Rösler: 18] – лексемы, принадлежащие к одному лексико-семантическому полю, объединялись в группы (к примеру, к отдельным группам относятся топонимы, торговая лексика, наименования мер и весов, названия растений и животных и т. д.). При этом наибольшее внимание уделялось важнейшей для купцов лексике – наименованиям товаров, транспортных средств, снаряжения, особенностям культуры партнеров, их религии, географическим названиям и пр.

Разумеется, при составлении текстов подобного назначения и объема (так, разговорник Фенне включает в себя свыше 4000 слов на 566 страницах) неизбежны были разнообразные ошибки и неточности, приводящие к нарушениям семантической корреляции и вызванные как чисто языковой интерференцией, так и различными экстралингвистическими факторами. В данной работе анализируются семантические ошибки и неточности в следующих лексико-семантических разделах разговорников (в целях унификации приведены названия разделов из разговорника Т. Фенне): *Vann allerlei handttwerkenn* «О разных ремеслах», *Van allerley spelwark* «О разных музыкальных инструментах», *Van der erdenn* «О земле», *Van*

waterenn «О воде», *Van buschen vnd holte* «О кустах и деревьях», *Van fruchten der erden* «О плодах земных», *Van allerley awette* «Обо всяких фруктах», *Van rustingen thon perden* «О лошадиной сбруе», *Vonn allerley vitallie* «Обо всякой провизии», *Van allerley flesch* «Обо всяком мясе», *Van allerley gedrenke* «О разных напитках», *Van bekleding* «Об одежде», *Vann schriffwahren* «О письменных принадлежностях», *Vann huszgerade* «О домашней утвари», *Vann allerley dutscher war* «Обо всяких немецких товарах», *Van solte vnd heringe* «О соли и селедке», *Van wasze vnd tallige* «О воске и сале», *Van flasze vnd hemp* «Обо льне и конопле», *Van edelgesteinen* «О драгоценных камнях», *Vann goldtt vnd suluer* «О золоте и серебре», *Van krudern vnd gewurtze* «О травах и пряностях», *Van sidengewande* «О шелковых тканях», *Van linen wande* «О льняных тканях», *Van allerley farue* «Обо всяких цветах», *Van allerley lakenn* «О различных сукнах».

Проведенное исследование позволило выделить два основных типа нарушений семантической корреляции:

1. Первый тип можно охарактеризовать как случайную, непреднамеренную подмену понятий при переводе русского лексического материала на немецкий (автором данной работы ранее было доказано, «что вначале авторы текстов собирали русский языковой материал, а затем уже подбирали к нему нижненемецкие соответствия» [Сороколетова: 134]). Подобные ошибки подразделяются на две основных группы:

а) Явления языковой интерференции, вызванные фонетическим сходством русской и немецкой лексем или единством их внутренней формы: так, фонетический облик русского слова *гусель* «гусли», очевидно, привел к его контаминации с нижненемецкой лексемой *gigel* «скрипка» [Lübben: 124]: рус. *gusell* «гусли» – снн. *gygell* «скрипка» [Fe 57.15], а буквальный перевод снн. *wyndruven* «виноград» [Lübben: 584] – «винные ягоды» – послужил причиной того, что данное слово было сопоставлено с рус. *ягоды вины* «инжир» [Fe 84.2];

б) Семантические ошибки, объясняющиеся внешним сходством контаминированных предметов и явлений или их функциональной смежностью (экстралингвистические причины): рус. *Serdolyk* «сердолик» – снн. *Korallenn* «кораллы» [Schr 97.23], рус. *tzilibuga* «цилибука, рвотный орех» – снн. *vorgift* «отрава» [Fe 124.7]. Впрочем, логическое объяснение причин, к примеру, подобной ошибки: рус. *grußym* «груши» – снн. *Pflaumen* «сливы» [Schr 79v.31] – представляется весьма затруднительным.

Сюда же примыкают случаи неверного перевода русских наименований различных тканей, когда русская номенклатура в значительной степени отличается от немецкой: рус. *Bargath* «бархат» – снн. *Sardock* «грубая ткань, наполовину лен, наполовину шерсть» [Lübben: 316] [Schr 98v.6].

2. Ко второму типу относятся попытки сознательного объяснения русских реалий, незнакомых ганзейцам: рус. *quas* «квас» – снн. *ruschwynn* «русское вино» [Fe 85.4]. Особенно избыточно многословны-

ми разъяснениями анонимный разговорник: рус. *Kromysl* «кормысло» – снн. *Ein Krumb bog[en] da man die Amern darup dregt* «дуга, на которой носят ведра» [AnRB 29.20-21], причем зачастую дело доходит до абсурда: рус. *Korwat. Aber. postel* «кровать, или постель» – снн. *Ein bett da man Ihn schlept* «кровать, в которой спят» [AnRB 29a.1].

Впрочем, число ошибок в разговорниках на удивление невелико и в целом составляет 10-20% (в зависимости от раздела). Подобные случаи нарушения семантической корреляции предоставляют весьма ценные сведения как лингвистического, так и культурологического характера, и заслуживают более подробного исследования.

Литература

- Сороколетова О.С.* Сравнительный анализ зоонимов и смежной лексики в русско-нижненемецких и русско-верхненемецких разговорниках XVI–XVII вв. Дипломная работа (на правах рукописи). М., 2005.
- AnRB: «Ein Rusch Boeck» Ein russisch-deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jh. / Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien; Böhlau. 1993. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B. Editionen; N.F. Bd. 3–18.)
- Fe: Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. Vol. II. Transliteration and Translation. Editors L.L. Hammerich and Roman Jakobson. Copenhagen, 1970.
- Gernentz H.J., Korol T., Rösler I.* Das Gesprächsbuch von Tönnies Fenne, Pskov 1607: Ein Beitrag zur deutschen Sprachgeschichte / Autorenkollektiv unter der Leitung von H.J.Gernentz. (Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen, Bd. 64). Berlin (Ost), 1988. S. 13–86.
- Lübben A.* Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Darmstadt, 1979.
- Schr: “Einn Russisch Buch” Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Część II. Transliteracja tekstu / Pod redakcją Adama Fałowskiego. Kraków, 1997.

Экспозиция в коммуникативной структуре высказывания (на материале современного шведского языка)

Удилова Дарья Александровна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Традиционно в актуальном членении предложения выделяется два основных компонента: тема и рема; данное и новое; «исходная точка» и «ядро высказывания». Однако «иногда в предложении, своеобразно предвосхищая еще не раскрытую предметную ситуацию..., отбираются обстоятельства места или времени, которые ставятся в начало... в качестве исходной точки высказывания», которая не всегда является его темой [Матезиус: 241].

Экспозиционную функцию выполняют в основном обстоятельства (времени, места, образа действия), иногда предикативное определение. Функция экспозиции заключается в том, что, обстоятельство, помещенное в начальную позицию, содержит предварительное описание ситуации, «намечает... внешний план действия, его мизансцену» [Строева: 260], т. е. локали-

зует события во времени или пространстве, создает их временную или локальную рамку или описывает внешние обстоятельства развертывания ситуации. Тема и рема вычлняются лишь в последующей части высказывания при непосредственном описании ситуации. Обстоятельства, выполняющие экспозиционную функцию, часто выражены распространенными именными группами и содержат информацию, не выводимую из предшествующего контекста, но в то же время не являющуюся ремой. Поэтому представляется целесообразным выделять экспозицию как третий – самостоятельный, но не обязательный компонент коммуникативной структуры высказывания.

Чешский исследователь Э. Бенеш ввел для этого компонента понятие базиса, отличного от темы, под которым он понимал член предложения, занимающий начальную позицию и связывающий данное высказывание с контекстом и ситуацией. [Firbas: 276]

В.Г. Гак называет обстоятельства времени и места ситуативным компонентом, так как они «привязывают» предложение к ситуации [Гак: 168]. В зависимости от типа обстоятельства и контекста, окружающего высказывание, ситуативный компонент может выполнять различные функции: осуществлять локализацию ситуации во времени; осуществлять локализацию ситуации в пространстве; описывать обстоятельства развертывания ситуации.

Эти функции часто связаны со сменой ситуаций, когда заканчивается описание одной и начинается описание другой, в этом случае необходимо указать на время и/или место, а иногда и обстоятельства протекания процесса. Помещение обстоятельства в начало предложения яснее всего показывает смену ситуации.

Различные шведские исследователи по-разному характеризуют обстоятельства, выполняющие экспозиционную функцию. М. Буландер и Л.-Ю. Экерут считают их тематическими членами, содержащими некоторый компонент новизны.

Другой шведский исследователь М. Андреассон особо выделяет третий компонент коммуникативной структуры высказывания, называемый ею *scen* (сцена), который содержит информацию об обстоятельствах, сопутствующих пропозиции высказывания. Этот компонент отличается от темы и ремы тем, что не является ни содержанием сообщения, ни его предметом. «Обстоятельство представляет собой своего рода сцену, на которой разыгрывается оставшаяся часть предложения» [Andreasson: 83].

В Академической грамматике шведского языка обстоятельства в экспозиционной функции, выражающие фоновую информацию, также выделяются в особую категорию, называемую *bakgrund* (фон, база, основа) или *scen* (сцена), отличную от темы и ремы: «та часть содержания предложения, которая сообщает необходимые сведения о ситуации (часто это время и мес-

то), но которая не относится к тому, что говорящий собственно хочет сообщить (реме), или к тому, о чем он это сообщает (теме)» [SAG 1: 231].

Рассмотрим пример экспозиции для локализации ситуации во времени:

Några dagar senare somnade Joel i sin bänk. (Несколько дней спустя Юэль заснул прямо за партой.)

Обстоятельство маркирует начало развертывания новой ситуации и локализует ее во времени, не являясь при этом ни предметом сообщения (темой), ни содержанием сообщения (ремой), которые вычлняются в последующей части высказывания.

Аналогичную коммуникативную структуру имеет и перевод на русский язык; однако предложения на шведском и русском языках различаются порядком слов. При относительной свободе порядка слов русского языка оказывается возможным расположить компоненты коммуникативной структуры высказывания в соответствии с логическим развитием мысли: экспозиция – тема (предмет сообщения) – рема (содержание сообщения). Шведский язык характеризуется фиксированным порядком слов, в результате чего возникает конфликт грамматического и коммуникативного принципов расположения компонентов высказывания. Поэтому, как показано в примере выше, рема разрывается, а тема помещается между ее частями: экспозиция – часть ремы – тема – часть ремы. Вместе с тем экспозиция и в русском, и в шведском языках является самостоятельным компонентом коммуникативной структуры высказываний, помещаемым в начальную позицию, независимо от структуры остальной части высказывания.

Литература

- Гак В.Г. Порядок слов во французском языке // Очерки типологии порядка слов. М., 1986. С. 160–180.
- Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 239–244.
- Строева Т.В. О прямом и обратном порядке слов в современном немецком языке // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951. С. 255–261.
- Andréasson M. Satsadverbial, ledföljd och informationsdynamik i svenskan. Göteborg, 2007.
- Bolander M. Funktionell svensk grammatik. Stockholm, 2001.
- Ekerot L.-J. Ordföljd, tempus, bestämdhet. Malmö, 1995.
- Firbas J. On defining the theme in functional sentence analysis // Travaux linguistiques de Prague. – Prague, 1966. P. 268–276.
- Svenska Akademiens Grammatik (SAG). Uddevala, 2000.

Проблема нормирования норвежского литературного языка

Юченкова Алена Константиновна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Понятие нормы многопланово: с одной стороны, норма – это «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы» [Большой энциклопедический словарь: 337], с другой стороны – употребление языковых элементов, закрепленное в справочниках, грамма-

тиках и словарях. Отбирая те или иные элементы языка и включая их в норму, языковеды наделяют их статусом «правильных», «образцовых», «обязательных»; кодификация нормы является важным этапом развития национального литературного языка, а наличие закрепленной нормы отличает литературный язык от других вариантов языка (диалектов и социолектов).

После выхода Норвегии в 1814 г. из унии с Данией, во время которой в качестве официальной письменной нормы использовался датский язык, перед норвежским обществом остро встал вопрос о необходимости создания национального литературного языка. В этой связи возникло два основных направления языкового движения: результатом одного из них стал букмол, созданный лингвистом Кнудом Кнудсенем на основе датско-норвежского языка городской элиты начала XIX в., а результатом другого – нюнорск, основу которого составили особенности западнонорвежских диалектов. Каждая из этих норм характеризуется большой внутренней вариативностью и достаточной свободой: существуют радикальный и консервативный варианты букмола и нюнорска.

Под радикальным вариантом букмола понимают вариант нормы, в который включены формы из диалектов и нюнорска: например, постпозитивный артикль **-a** в определенной форме единственного числа существительных женского рода (*sola* «солнце», *moa* «мать») вместо консервативных форм с артиклем **-en** (*solen*, *gjenta*), постпозитивный артикль **-a** в определенной форме множественного числа существительных среднего рода (*borda* «столы», *husa* «дома») вместо консервативных форм с артиклем **-ene** (*bordene*, *husene*), показатель **-a** в форме претерита и причастия прошедшего времени слабых глаголов первого класса (*kastekasta-kasta* «бросать») вместо консервативной формы с показателем **-et** (*kaste – kastet-kastet*), а также корневые дифтонги в тех случаях, когда в традиционном варианте используются монофтонги (*aleine* «одинокий», *sein* «поздний», *lauv* «листва», *å meine* «значить»). Наиболее яркими показателями – маркерами консервативного букмола могут служить такие слова как *etter* «после» (рад. вариант *etter*), *frem* «вперед» (радикальный вариант *fram*), а также использование старой системы чтения числительных, при которой сначала читаются единицы, а потом – десятки, например, *enogfemti* «пятьдесят один», *syvogtredve* «тридцать семь».

Различия между консервативным и радикальным нюнорском проявляются менее ярко, чем между соответствующими вариантами букмола; в радикальном нюнорске встречаются формы из букмола, например, более открытые гласные в корне слова (консерв. нюнорск *sysken* – радик. нюнорск *søsken* «брат и сестра»), отыменные существительные с нижне-немецкими суффиксами **-else**, **-het**, которые в традиционном нюнорске заменяются на исконно норвежские суффиксы – **-dom**, **-skap**, **-leik**, **-semd**, **-løyse** и **-ing** (консерв. нюнорск *kjærleik* – радик. нюнорск *kjærlighet*). Языковеды, занимающиеся нормированием норвежского языка, не вы-

двигают требования последовательности в употреблении радикальных или консервативных форм, а советуют носителям языка опираться при выборе тех или иных элементов на собственное чувство родного языка и использовать те варианты, которые кажутся им наиболее естественными. На практике это приводит к появлению большого количества вариантов, различающихся по степени консервативности или радикальности.

Одним из наиболее спорных вопросов для норвежских лингвистов является вопрос о необходимости нормирования устной речи и создания единого устного стандарта для каждой из письменных норм. Как правило, в бытовых ситуациях норвежцы говорят на диалектах, так как право на использование диалектов во всех коммуникативных ситуациях является неотъемлемой частью норвежского восприятия демократии и важным элементом самоидентификации норвежца. Однако устный стандарт, по мнению языковедов, необходим для того, чтобы облегчить взаимопонимание между жителями разных регионов страны, а также для того, чтобы расширить стилистические возможности норвежского языка.

Так как при создании букмола Кнуд Кнудсен опирался на повседневную речь городской элиты, этот вариант нормы до сих пор обладает высоким социальным престижем и воспринимается многими норвежцами как единственный реально существующий устный стандарт; кроме того, эта реализация нормы зафиксирована в школьных учебниках по чтению, в орфоэпических правилах для радио и телевидения, в учебниках норвежского языка для иностранцев. Ньюнорск, в свою очередь, представляет собой компиляцию различных черт норвежских диалектов, поэтому о существовании официального единого устного стандарта ньюнорска говорить сложно. Определенный устный стандарт в настоящее время используется в официальных ситуациях, когда диалекты неуместны, например, при чтении лекций в университетах студентам-иностранцам или во время официальных выступлений в теле- и радиоэфире, направленных на широкую аудиторию. Тем не менее, для большинства норвежцев остается актуальным популярный лозунг движения в поддержку ньюнорска: «Пиши на ньюнорске, говори на диалекте!».

Важным моментом нормирования норвежского языка является вопрос о нормировании топонимов. Выбор того или иного варианта написания топонима, как правило, основывается на местном произношении объекта. В случаях, когда топонимы обозначают большой или широко известный географический объект, нормирование осуществляется на основе литературной традиции. Топонимы женского рода, как правило, употребляются в определенной форме с постпозитивным артиклем **-a** или **-i** в зависимости от диалекта региона, в котором встречается объект; исключением является лишь регион Бергена, где, в соответствии с городским полудиалектом, употребляется постпозитивный артикль **-en**. Интересным примером может служить спор вокруг названия одной из центральных

площадей в Осло: эта площадь располагается в западной части Осло, где чаще используются формы с определенным артиклем общего рода, однако в городском полудиалекте Осло в основном встречаются формы с артиклем женского рода; по последнему распоряжению городской администрации название площади употребляется с артиклем **-a** (Majorstua), а название района, который ее окружает, с артиклем **-en** (Majorstuen).

Нормирование норвежского языка осуществляется особым государственным органом – Языковым советом (Språkråd), который разрабатывает реформы, затрагивающие не только орфографию, но и все структурные уровни языка: морфологию, синтаксис, лексику. Последняя реформа норвежского языка была опубликована 1 июля 2005 года.

Литература

Большой энциклопедический словарь Языкознание. М., 1998.